

Солнце клонилось к закату, когда Яо Чжи призвали во дворец.

В лучах угасающего светила императорский сад казался застывшим. На горбатом мостике стояла женщина. Как и прежде, императрица Ли Юань была облачена в простые одежды, волосы её не стягивали заколки, а лицо оставалось девственно чистым, если не считать алой точки киновари меж бровей. В руках она держала чашу из белого фарфора. Тонкие пальцы, не тронутые лаком, мерно черпали рыбий корм и рассыпали его над водой. Золотые карпики копошились внизу, борясь за пропитание, а сама владычица казалась воплощением безмятежности.

Яо Чжи опустилась на колени:

— Приветствую Ваше Величество. По какому делу вы призвали меня?

— Встань, — Ли Юань даже не подняла взгляда, сосредоточенно наблюдая за рябью на воде. — То, в чём ты обвинила Цюань И... сколько в этом правды?

— Не всё ли равно, — Яо Чжи поднялась, голос её был сух и бесстрастен. — Разве Ваше Величество не отправили её в небесную тюрьму, невзирая на сомнения?

Императрица покосилась на неё:

— Обожаю умных людей, но терпеть не могу тех, кто пытается казаться умнее меня.

— А разве Ваше Величество не предпочитает просто послушных? — парировала канцлер.

— Яо Чжи, прошли годы, а ты всё так же дерзка, — Ли Юань усмехнулась, и в этом не было ни гнева, ни милости.

— Потому что я знаю: Ваше Величество не убьёт меня.

Яо Чжи опустила глаза. Она не добавила главного: «Вы лишь продолжите бить по тем, кто мне дорог».

Смерть Лин Мо не была случайностью, как не было случайностью и его появление во дворце. Всё это — лишь плоды недовольства императрицы. Теперь, когда Яо Чжи лишилась всего, страх исчез. Она знала, что та сохранит ей жизнь. По крайней мере, сейчас.

— Прах Лин Мо... ты хочешь забрать его? — безразлично спросила Ли Юань.

— Ваше Величество, разве его прах не развеян в этом самом пруду на корм рыбам? Или вы

решили пожаловать мне весь этот улов? — Яо Чжи холодно усмехнулась.

Императрица медленно повернула голову:

— Значит, ты всё-таки узнала.

— Трудно не заметить ваших привычек, — Яо Чжи с трудом подавила клокочущую в груди ненависть.

— Ты хоть о чём-нибудь жалеешь? — Ли Юань смотрела на неё в упор ледяным взглядом.

— Ваше Величество, ведом ли вам вкус любви? — Яо Чжи подняла голову и странно, болезненно улыбнулась. — Познали ли вы когда-нибудь привязанность столь глубокую, что кто-то готов был умереть за вас? Не за императрицу — за женщину? Было ли такое?

Ли Юань промолчала. За сотни лет она сменила троих мужей, но вкус истинной страсти давно стёрся из её памяти. Видя её молчание, Яо Чжи почувствовала мимолётное, острое удовлетворение.

— Если нет, то мне не в чем раскаиваться.

Яо Чжи выпрямилась. Её взгляд был твёрдым, как в юности. Императрица нахмурилась, но не проронила ни слова, лишь махнула рукой, отпуская её.

Уходя, Яо Чжи бросила последний взгляд на пруд. «Сожрали столько праха... почему вы всё ещё не подошли?»

Когда канцлер скрылась из виду, Ли Юань швырнула фарфоровую чашу в воду. Стая рыб вскипела, борясь за остатки корма.

«Ваше Величество, вы не понимаете любви. Здесь нет никого, кто любил бы вас искренне. Лишь жажда власти и выгоды. Любили ли вы хоть кого-то? Нет, вы любите только саму себя!»

Дурные воспоминания терзали её разум.

— Лин Мо, неужели ты так сильно жаждал смерти?

Оболтус погиб не просто из-за разбитого кубка. Его слова ударили в самое больное место, и императрица, не совладав с собой, приказала забить его до смерти. Застывшая улыбка умирающего до сих пор лишала её покоя. Будто что-то важное выскользнуло из её рук, а она даже не поняла, что именно.

— Людей мне! Призовите бессмертных наставников во дворец.

Годами она собирала вокруг себя мастеров тайных искусств. Когда придёт время исполнить данное обещание, эти люди станут её щитом. Или мечом. Но втайне она надеялась на одно — что тот человек никогда не вернётся.

***

— Ваше Величество, госпожа Цюань И покончила с собой в тюрьме, признав вину!

Ли Юань замерла от удивления. Кто угодно мог сломаться, но не Цюань И. Она дорожила своей шкурой больше жизни, иначе не отдала бы единственного родственника во дворец. Яо Чжи тоже не могла её убить — канцлер предпочитала пытаться живых, а не избавлять их от страданий. Смерть была слишком лёгким выходом.

«Так кто же её убрал?»

В мыслях императрицы всплыло одно имя, и она холодно усмехнулась.

«Когда он был жив, что-то ты не была к нему так добра».

Весть о самоубийстве «предательницы» Цюань И мгновенно разлетелась по стране. Чиновники завалили дворец требованиями покарать весь её род. Ли Юань хранила молчание, позволяя слухам множиться и сеять хаос. За одну ночь были разорены десятки домов. Страх сковал столицу.

В переулке Юньшуй жизнь стала невыносимой. Стражники врываются в дома каждые три дня, и старики, посоветовавшись, приняли тяжёлое решение: уходить. Лучше бросить родные земли и бежать к границе с Сюаньжу, чем ждать, когда их вырежут в собственных постелях.

Семьи в переулке, хоть и не были связаны кровью, десятилетиями жили как одна плоть. Они решили забрать с собой и сирот из приюта. Мальчишки и так целыми днями бегали по дворам, и каждый уже присмотрел себе «родителей». Даже медвежонок Гао-сяоцзы вцепился в Ван Юфу, требуя, чтобы тот стал ему отцом. А когда узнал, что холостякам детей не дают, устроил в булочной Ли Гэ-эра настоящий концерт со слезами и воплями о своей горькой доле.

Ли Гэ-эр поддался. Под напором детских слёз и настойчивых ухаживаний Ван Юфу он сдался, и в списке переселенцев стало на одну семью больше. Одно лишь печалило Ли Гэ-эра — Лун Юй уходить не собирался.

— Хозяин Лун, ты правда остаёшься? — Ли Гэ-эр мял в руках фартук. Он искренне привязался к этому странному юноше.

— У нас здесь ещё есть дела, — Лун Юй налил ему прощальную чашу крепкого вина и добавил кувшин сладкой наливки. — Береги это.

— Эх, больше я такого не попробую... — вздохнул Ли.

— Я напишу тебе рецепт закваски. Пусть твой муж варит для тебя.

— Но это же... это ведь тайна! — Ли Гэ-эр округлил глаза. Секрет хорошей закваски кормил целые поколения мастеров.

— Пустяки. Рецепт простого вина — не великая ценность. А вот секреты «Рассыпанного золота» или «Сна в тысячу лет» я тебе не отдам. В них вложено слишком много души и редких трав, — улыбнулся Лун Юй, быстро набрасывая иероглифы на бумаге.

— Спасибо... — Ли принял листок, понимая, что в пути этот навык может спасти им жизнь.

— Мы встретились не зря. Считай это прощальным даром.

Ли Гэ-эр замялся, краснея:

— Хозяин Лун... могу я узнать твоё имя? Ну, настоящее... Просто чтобы помнить.

Лун Юй посмотрел на него со светлой грустью:

— Меня зовут Лун Юй. «Лун» — как в рёве дракона, «Юй» — как в драгоценной яшме.

— Лун Юй... — прошептал Ли. — Красиво. Не то что моё — Лайшунь...

— Матушка дала мне его. Говорила, в моей судьбе не хватает золота, а яшма его заменит. И что это имя сбережёт меня.

Богатства в его жизни и правда было вдоволь, а вот невзгод — ещё больше.

Через несколько дней переулочек Юньшуй опустел. Усадьбы стояли заброшенными, и лишь в маленькой чайной по-прежнему горел свет.

— Я думал, ты подарить ему амулет из яшмы, — Яи обнял Лун Юя со спины, утыкаясь носом в его плечо.

— Наша встреча была мимолётной. Открыть имя — это уже предел того, что нам дано судьбой.

Он славный малый, но наши пути больше не пересекутся.

Яи лишь крепче прижал его к себе. Оба понимали: дело не в скупости, а в глубине кармических связей.

В столице царил мрак. Аресты и казни следовали одни за другими, никто не понимал, чего ищет императрица.

— Белый нефрит... хорошая работа.

Голос, лишённый всяких красок, вплыл в пустую залу. Лун Юй даже не поднял головы, пригревшись в объятиях мужа.

Яи лениво приоткрыл глаза. У порога стояла женщина в белом. Лицо без красок, на лбу — кровавое пятно киновари. Она выглядела почти святой, если бы не тяжёлая чёрная дымка, окутывавшая её с ног до головы. Густой туман из чужой боли и несправедливых смертей.

Яи криво усмехнулся. Давненько он не видел столь чёрной ауры.

— Любопытно, — прошептал он. — Очень любопытно.

<http://bllate.org/book/17533/1704541>